П. Кропоткинъ.

Что дѣлать?

(Къ молодежи).

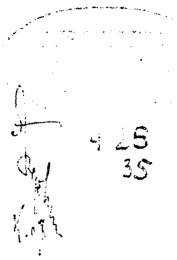
Переводъ съ французскаго Н Павловича.

НХ
1241
№2

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на-Дону.

Цѣна 4

„Пре 38"



Что дѣлать?

(Къ молодежи).

I.

Сегодня я буду говорить съ молодежью. Кто старъ сердцемъ и душою, тотъ можетъ отложить въ сторону эти страницы: безполезно обременять свое зрѣніе чтеніемъ того, что не можетъ быть понято.

Я предполагаю читателя отъ 18 до 20 лѣтъ; я предполагаю, что онъ оканчиваетъ ученіе, что онъ только что вступаетъ въ настоящую жизнь. Допустимъ, что мой читатель совершенно освободился отъ всякаго рода предразсудковъ, которые старательно вбивались ему въ голову. Допустимъ, что онъ не только не боится черта, но и, вообще, не дастъ себя обмануть различными пустыми разглагольствованіями. Болѣе того, пусть мой читатель не будетъ также и однимъ изъ тѣхъ современныхъ пустыхъ франтовъ, которые только и знаютъ, что прогуливаются съ важнымъ видомъ обезьянъ по улицамъ города, выставляя напоказъ свои костюмы... Нѣтъ, я предполагаю, что мой читатель вполнѣ порядочный и хорошій человѣкъ; къ такому читателю я только и обращаюсь.

Первый вопросъ, который представляется вамъ, читатель, при вступленіи въ жизнь, это—«что я буду дѣлать?». Молодой человѣкъ, изучившій какое-нибудь ремесло или науку, затратившій на это изученіе много лѣтъ, а изучалъ онъ—замѣтьте себѣ это хорошенько—на средства общества, такой молодой человѣкъ не долженъ думать и считать, что онъ учился только для того, чтобы при помощи своихъ знаній эксплуатировать другихъ людей; нужно быть очень развращеннымъ, очень порочнымъ, чтобы и въ молодости не мечтать о приложеніи своего ума, своихъ способностей, своего знанія на помощь тѣмъ, которые умираютъ въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Вы, читатель, конечно, одинъ изъ тѣхъ, которымъ не чужды были эти мечты; а въ такомъ случаѣ, посмотримъ, что вы будете дѣлать для того, чтобы осуществились ваши мечты.

Я не знаю тѣхъ условій, среди которыхъ вы родились и воспитывались. Быть можетъ, судьба вамъ благопріятствовала, и вы могли заняться изученіемъ науки; быть можетъ, вы собираетесь сдѣлаться врачемъ, адвокатомъ, писателемъ или ученымъ; широкое поле дѣятельности тогда открывается передъ вами: вы вступаете въ жизнь съ обширными познаніями, ваши способности получили соотвѣтственное развитіе. Можетъ быть, однако, вы только обыкновенный, простой, рядовой работникъ, научныя познанія котораго ограничиваются тѣмъ немногимъ, что было пріобрѣтено въ школѣ, но вы имѣете то весьма важное преимущество, что близко знаете тяжкую, трудовую жизнь рабочаго нашего времени.

Предположимъ сначала первое. Потомъ перейдемъ ко второму. Допустимъ для начала, что вы получили научное образованіе и собираетесь сдѣлаться врачемъ.

Въ одинъ прекрасный день къ вамъ придетъ человѣкъ въ рабочей блузѣ и пригласитъ васъ посѣтить больную. Онъ поведетъ васъ въ одну изъ тѣхъ узкихъ, грязныхъ, лишенныхъ свѣта улицъ, въ которыхъ люди, живущіе напротивъ другъ друга, почти могутъ здороваться за руку изъ оконъ своихъ домовъ, протягивая руки надъ головой прохожихъ. Вы поднимаетесь: воздухъ испорченъ, мерцаетъ свѣтъ коптящей лампы; вы проходите двѣ, три, четыре, пять лѣстницъ, покрытыхъ склизкою грязью; вы находите больную въ темной и холодной комнатѣ, лежащей на грязной постели подъ грязными лохмотьями. Блѣдныя, худосочныя дѣти, съ синевою подъ глазами, смотрятъ на васъ своими большими раскрытыми глазами. Мужъ всю свою жизнь работалъ по двѣнадцати и тринадцати часовъ въ день, не отказываясь ни отъ какой работы; въ настоящее время онъ безъ работы вотъ уже цѣлыхъ три мѣсяца.

Такой прогулъ весьма не рѣдокъ въ жизни рабочаго: онъ повторяется періодически почти ежегодно; однако, въ прежніе годы, во время невольнаго прогула рабочаго, его жена отправлялась на поденную работу... Быть можетъ, это она мыла ваши рубашки, получая за этотъ тяжелый трудъ какія-нибудь тридцать копеекъ въ день; но теперь она прикована къ постели цѣлыхъ два мѣсяца, и ужасающая нищета встаетъ передъ всей семьей.

Что же вы посовѣтуете больной, г. докторъ? Вы, который отлично отгадываете причину болѣзни,—вы, который знаете, что на-лицо имѣется полная картина общаго малокровія, вслѣдствіе отсутствія питательной пищи, вслѣдствіе отсутствія чистаго воздуха для дыханія. Не посовѣтуете-ли вы больной ежедневно кушать кусокъ бифштекса, не посовѣтуете-ли вы ежедневную небольшую прогулку на чистомъ воздухѣ для моціона; или, быть можетъ, вы порекомендуете ей переѣхать въ сухую, свѣтлую и хорошо провѣтриваемую комнату? Какая жалкая иронія! Еслибы больная была въ состояніи, она все это сдѣлала бы, и не дожидаясь вашихъ совѣтовъ.

Если у васъ доброе сердце, привѣтливый видъ, открытая рѣчь, честный взглядъ, то семья больной сообщитъ вамъ много интересныхъ вещей. Она вамъ сама разскажетъ, что по другую сторону перегородки, откуда раздается ужасающій кашель, надрывающій вамъ душу, живетъ бѣдная гладильщица; она вамъ разскажетъ, что, этажемъ выше, всѣ дѣти больны жестокой лихорадкой; вы узнаете, что прачка, живущая на чердакѣ, не доживетъ до весны; вамъ скажутъ, что въ сосѣднемъ домѣ дѣла обстоятъ еще хуже.

Что вы посовѣтуете всѣмъ этимъ больнымъ? Хорошее питаніе, перемѣну климата или работу, менѣе изнуряющую силы? У васъ на языкѣ эти совѣты, но вы не смѣете и не хотите издѣваться надъ больной и спѣшите уйти съ тяжелымъ сердцемъ, съ проклятіями на вашихъ устахъ.

Вы будете имѣть случай еще разъ вспомнить о вашихъ знакомыхъ обитателяхъ трущобы и на слѣдующій день, когда вашъ товарищъ разскажетъ вамъ, какъ за нимъ явился ливрейный лакей въ изящномъ экипажѣ для того, чтобы свезти его къ богатой больной. Эта больная живетъ въ роскошномъ домѣ, въ роскошной квартирѣ; она растратила свои силы на безсонныя ночи, она посвящаетъ всю свою жизнь туалетамъ, визитамъ, танцамъ и ссорамъ съ своимъ глупымъ мужемъ. Вашъ товарищъ посовѣтовалъ этой дамѣ вести менѣе нелѣпую жизнь, онъ посовѣтовалъ ей питаться менѣе возбуждающей пищей, рекомендовалъ умѣренныя прогулки на чистомъ воздухѣ, душевное спокойствіе и немного комнатной гимнастики, чтобы замѣнить, хотя такимъ способомъ, вполнѣ отсутствующую продуктивную работу.

Одна умираетъ отъ того, что, въ теченіе всей своей жизни, никогда не была достаточно сыта и никогда не имѣла возможности отдохнуть отъ своего изнурительнаго труда; другая изнемогаетъ отъ того, что во всю свою жизнь она не знала никакого труда, никакой производительной работы...

Если вы представляете изъ себя одну изъ тѣхъ мало активныхъ натуръ, которыя, встрѣчаясь съ самыми возмутительными фактами жизни, довольствуются легкимъ вздохомъ и покачиваніемъ головы за кружкой пива, тогда это ужасающее противорѣчіе окружающихъ условій жизни возбудитъ въ васъ только непреодолимое животное желаніе самосохраненія; вами овладѣетъ одна мысль, одно желаніе: какъ бы вамъ самимъ попасть въ число лицъ, вѣчно праздныющихъ и веселящихся, какъ бы навсегда обезпечить себя отъ того, чтобы не очутиться въ числѣ голодающихъ и несчастныхъ. Однако, если вы представляете изъ себя настоящаго цѣльнаго человѣка, если ваши чувства имѣютъ соотвѣтственное выраженіе въ вашей волѣ, если животная сторона вашего организма не убила въ васъ мыслящее и чувствующее существо, тогда вы непремѣнно скажете себѣ: «нѣтъ, это несправедливо, это не должно и не можетъ

продолжаться въ будущемъ такимъ же образомъ. Дѣло идетъ не о лѣченіи болѣзней, необходимо ихъ предупреждать. Даже незначительнаго увеличенія благосостоянія и умственнаго развитія было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы вычеркнуть изъ скорбныхъ листовъ половину больныхъ и половину болѣзней. Къ черту всѣ лѣкарства! Больше воздуха и пищи, меньше истощающаго труда,—вотъ съ чего слѣдуетъ начать. Безъ этого, все искусство врача есть только одинъ пустой обманъ, одинъ грубый подлогъ».

Вотъ вы уже и приблизились къ пониманію, что такое соціализмъ. Вы пожелаете изучить его ближе; и, если для васъ слово альтруизмъ не представляется пустымъ звукомъ, лишеннымъ всякаго смысла, если вы приложите къ изученію соціальнаго вопроса строгій методъ натуралиста, тогда вы закончите тѣмъ, что вступите въ наши ряды и будете работать вмѣстѣ съ нами надъ соціальной революціей.

Но, быть можетъ, вы скажете: «Богъ съ ней, съ практической жизнью; мы предпочитаемъ посвятить свою жизнь на изученіе чистой науки въ качествѣ астронома, физика, химика и т. п. Развѣ мы не будемъ испытывать громаднаго, ни съ чѣмъ несравнимаго, наслажденія, которое представляетъ, съ одной стороны, изученіе таинственныхъ законовъ природы, а съ другой—развитіе нашихъ интеллектуальныхъ способностей? Въ такомъ случаѣ спрошу я васъ: въ чемъ заключается различіе между ученымъ, культивирующимъ чистую науку съ исключительной цѣлью сдѣлать свою жизнь пріятной, и тѣмъ пьяницей, который ищетъ въ винѣ непосредственнаго удовольствія и наслажденія въ жизни? Конечно, ученый съ несравненно большимъ вкусомъ выбираетъ источникъ для своихъ наслажденій, такъ какъ наука доставляетъ ему наслажденія гораздо болѣе сильныя и продолжительныя, чѣмъ вино; однако, только въ этомъ и заключается все различіе. Какъ тотъ, такъ и другой, какъ пьяница, такъ и ученый, пре-

слѣдуютъ одну и ту же эгоистичную цѣль, одно только личное наслажденіе.

Вы не соблазняетесь, однако, этой чисто эгоистической жизнью. Работая для науки, вы желаете работать для пользы человѣчества; эта мысль будетъ руководить вами въ выборѣ предметовъ вашихъ изслѣдованій...

Прекрасныя мечты! Кого изъ насъ онѣ не ласкали въ началѣ нашей научной дѣятельности, когда мы впервые рѣшались посвятить себя наукѣ!

Если вы, дѣйствительно, заботитесь о человѣчествѣ, если вы ставите общее благо цѣлью и оправданіемъ вашей работы, то предъ вами на первыхъ же шагахъ вырастаетъ громадное противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если вы не лишены чувства справедливости, то вы скоро поймете, что въ современныхъ условіяхъ общественной жизни, наука является по преимуществу предметомъ роскоши: она служитъ главнымъ образомъ для того, чтобы дѣлать жизнь болѣе пріятной для весьма немногихъ и остается недоступной для всего прочаго человѣчества.

Въ самомъ дѣлѣ, прошло уже болѣе столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ наука установила здравые взгляды на строеніе вселенной; однако, какъ невелико число тѣхъ лицъ, кому они извѣстны, или кто выработалъ себѣ дѣйствительно критически-научное міровоззрѣніе. Такихъ людей можно насчитать едва нѣсколько тысячъ; они совершенно теряются среди сотенъ милліоновъ людей, разъѣдающихъ грубые предразсудки и суевѣрія, достойныя настоящихъ дикарей и, такимъ образомъ, представляющихъ самую благопріятную и удобную почву для всякихъ изувѣрныхъ ученій.

Или посмотримъ, что сдѣлала наука для выработки раціональной гигіены физической и психической жизни человѣка. Наука намъ разскажетъ, какъ мы должны жить, чтобы лучше сохранить здоровье нашего тѣла; она намъ повѣдаетъ, что мы должны сдѣлать, чтобы создать здоровыя условія и для общественной жизни; наука, наконецъ, укажетъ намъ путь къ счастью умственному и нравственному. Однако, вся гигантская работа, сдѣланная въ этомъ

направленіи современной наукой, развѣ она не остается до сихъ поръ мертвой буквой, скрытой въ нашихъ книгахъ? Это происходитъ оттого, что современная наука служитъ только интересамъ небольшой кучки привиллегированныхъ людей; это происходитъ оттого, что общественное неравенство раздѣлило лю ей на два класса, весьма рѣзко другъ отъ друга отличающихся: на классъ людей принужденныхъ за ничтожную плату продавать свой трудъ, и на классъ людей, въ рукахъ которыхъ скопились всѣ капиталы, всѣ орудія производства и вся земля; отъ этого происходитъ то что всѣ требованія научной гигіены для девяти десятыхъ человѣчества являются злою насмѣшкой.

Я могъ бы привести еще очень много примѣровъ, однако, довольно и этихъ: покиньте только вашъ кабинетъ Фауста, запыленныя окна котораго мало даютъ свѣта; выходите на чистый воздухъ и посмотрите вокругъ себя: на каждомъ шагу вы увидите доказательства справедливости моей мысли. Задача настоящаго времени заключается не въ накопленіи новыхъ истинъ и новыхъ научныхъ открытій. Важнѣе всего распространеніе истинъ, уже добытыхъ наукой; необходимо, чтобы онѣ вошли въ нашу жизнь и сдѣлались общимъ достояніемъ; необходимо приобщеніе всего человѣчества къ результатамъ, добытымъ наукою; нужно, чтобы человѣчество могло ихъ вполнѣ ассимилировать, чтобы оно научилось прилагать ихъ къ своей повседневной жизни: наука должна перестать быть предметомъ роскоши, она должна сдѣлаться *основой жизни для всѣхъ*. Этого требуетъ справедливость.

Я скажу болѣе: такъ требуютъ интересы самой науки. Наука, дѣйствительно, прогрессируетъ только тогда, когда новыя открытія находятъ для себя среду способную понять ихъ и усвоить. Такъ, напримѣръ, теорія механическаго происхожденія теплоты, высказанная еще въ прошломъ вѣкѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ это сдѣлали впослѣдствіи Мейеръ, Гирнъ и Клаузіусъ, оставалась забытой въ теченіе восьмидесяти лѣтъ въ академическихъ

мемуарахъ, какъ разъ до того времени, когда физическія знанія получили надлежащее распространеніе, чтобы подготовить среду, могущую оцѣнить и усвоить новые взгляды. Потребовалось, наконецъ, цѣлыхъ три поколѣнія людей для того, чтобы идеи Эразма Дарвина объ измѣнчивости породъ встрѣтили вполнѣ благопріятный пріемъ среди его правнуковъ; столь долгое время потребовалось даже для того, чтобы эти идеи были допущены и приняты учеными академиками; правда, и тутъ не обошлось дѣло безъ давленія со стороны общественнаго мнѣнія. Ученый точно такъ же, какъ поэтъ или артистъ, можетъ быть только продуктомъ того общества, среди котораго онъ живетъ, учится и учитъ.

Однако, если вы вполнѣ проникнетесь этими идеями, вы весьма скоро и хорошо поймете, что прежде всего необходимо произвести полный переворотъ въ существующихъ условіяхъ общественной жизни, которыя заставляютъ, съ одной стороны, ученаго захлебываться отъ изобилія научныхъ знаній и истинъ, а съ другой—все остальное человѣчество оставляютъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ оно было пять, десять вѣковъ тому назадъ, т. е. въ состояніи рабства и полной неспособности понять и усвоить себѣ завоеванныя наукой истины. Въ тотъ день, когда вы вполнѣ проникнетесь этой мыслью, мыслью широкой гуманитарной и глубоконаучной, въ тотъ день вы потеряете всякую охоту къ такъ называемой чистой наукѣ. Вы займетесь изысканіемъ средствъ для измѣненія общественныхъ условій жизни и, если вы не пожелаете отказаться отъ той непредубѣжденности и безпристрастія, которыя руководили вами въ научныхъ изысканіяхъ, то вы неизбѣжно придете къ необходимости соціалистическаго міровоззрѣнія; вы покончите со всякаго рода софизмами и компромиссами и станете въ наши ряды; уставши работать ради выгодъ и наслажденій небольшого меньшинства, уже достаточно пользующагося всѣми благами жизни, вы понесете свои знанія и умѣніе на служеніе и пользу бѣдствующаго,

приниженнаго большинства. И будьте увѣрены, что сознаніе исполненнаго долга и полнаго согласія между вашимъ мышленіемъ и вашими поступками, придастъ вамъ такія силы, которыхъ вы раньше въ себѣ и не подозрѣвали. И если, въ одинъ прекрасный день,—а этотъ день очень недалекъ отъ насъ, какъ это ни не нравится ученымъ педантамъ профессорамъ,—если въ одинъ прекрасный день, говорю я, тотъ переворотъ общественныхъ условій жизни, надъ которымъ вы работаете, дѣйствительно осуществится, тогда наука почерпнетъ новыя силы въ коллективной работѣ и въ могущественномъ соревнованіи цѣлыхъ армій преданныхъ работниковъ, которые понесутъ свои силы къ ея услугамъ; тогда наука сдѣлаетъ такіе успѣхи, въ сравненіи съ которыми ея настоящее медленное движеніе впередъ будетъ казаться жалкимъ упражненіемъ школьниковъ.

Тогда, и только тогда, вы сможете вполнѣ наслаждаться наукой; тогда это наслажденіе будетъ доступно для всѣхъ.

II.

Допустимъ, что вы заканчиваете изученіе права и приготовляете себя къ судебной дѣятельности; въ этомъ случаѣ вы также собираетесь работать на пользу человѣчества,—я предполагаю это потому, что я надѣюсь видѣть въ васъ одного изъ тѣхъ, въ комъ не заглохли еще альтруистическія стремленія. Вы думаете: что можетъ быть лучше того, какъ посвятить всю свою жизнь на безустанную борьбу противъ всякаго рода несправедливостей, не ожидая себѣ никакихъ благодарностей? Что можетъ быть прекраснѣе, какъ не служеніе тому, чтобы всегда и вездѣ торжествовалъ законъ, это высшее выраженіе высшей справедливости? Какое призваніе, какая дѣятельность можетъ быть прекраснѣе и плодотворнѣе? И вы вступаете въ жизнь, полный довѣрія къ самому себѣ, а также къ той дѣятельности, которой вы стремитесь посвятить свои силы.

Прекрасно! однако, откроемъ наудачу любую юриди-

ческую хронику и посмотримъ, какіе сюрпризы готовитъ намъ жизнь.

Вотъ богатый собственникъ. Онъ требуетъ изгнанія своего арендатора-крестьянина, который не уплатилъ ему условленной арендной платы. Съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона, тутъ не можетъ быть и рѣчи о колебаніи, какъ слѣдуетъ поступить: разъ крестьянинъ не платитъ, то онъ долженъ убираться. Однако, если мы проанализируемъ факты, вотъ, что мы узнаемъ: богатый собственникъ постоянно расточаетъ свои доходы на безумную роскошь, а крестьянинъ постоянно работаетъ. Богатый собственникъ ничего не сдѣлалъ для улучшенія своихъ земель, а тѣмъ не менѣе стоимость его земли утроилась за пятьдесятъ лѣтъ; это произошло оттого, что цѣнность земли постоянно увеличивалась и вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги, и вслѣдствіе устройства новыхъ подъѣздныхъ путей, и вслѣдствіе осушенія болотъ и вслѣдствіе разработки новыхъ земель, бывшихъ до тѣхъ поръ необработанными; а между тѣмъ крестьянинъ, бывшій главной причиной увеличенія стоимости земли, оказывается совершенно разоренымъ; крестьянинъ оказывается совершенно въ лапахъ различнаго рода дѣльцовъ, онъ обремененъ долгами, онъ совершенно не въ состояніи уплачивать аренду владѣльцу земли. А законъ постоянно остается чисто формальнымъ; онъ стоитъ постоянно на сторонѣ собственника и служитъ его интересамъ. А вы?—Если въ васъ различнаго рода юридическія хитросплетенія еще не успѣли забить и уничтожить чувство справедливости, что вы будете дѣлать? Неужели вы станете требовать чтобы крестьянина выбросили на большую дорогу?—а этого требуетъ законъ; или, быть можетъ, вы будете требовать, чтобы собственникъ возвратилъ арендатору всю ту прибыль деньгами и на стоимости имущества, которую собственникъ получаетъ, благодаря труду крестьянина?—а вѣдь этого требуетъ справедливость. На чью сторону станете вы? на сторону закона, но противъ справедливости? или на сторону справедливости, но тогда уже противъ закона?

А въ томъ случаѣ, когда рабочіе прибѣгнутъ къ стачкѣ, не предупредивъ за двѣ недѣли, согласно закону, своего предпринимателя,—на чью сторону станете вы? На сторону дѣйствующаго закона, т. е. на сторону предпринимателя, который, пользуясь рабочимъ кризисомъ, учитываетъ въ свою пользу баснословные барыши или вы пойдете противъ закона, но за то заодно съ рабочими, которые все время бѣдствовали вслѣдствіе своего скуднаго заработка, жены и дѣти которыхъ болѣли и умирали отъ нищеты и страданій? Или, быть можетъ, вы предпочтете еще защищать преслов.тую фикцію о свободѣ сдѣлокъ? Неужели вы не будете защищать требованія равенства и справедливости, на основаніи которыхъ договоръ, заключенный между человѣкомъ, прекрасно ежедневно обѣдающимъ, и тѣмъ, который продаетъ свою работу для того, чтобы получить возможность поѣсть, однимъ словомъ, между сильнымъ и слабымъ,—договоръ не можетъ считаться обязательнымъ и справедливымъ?

А вотъ и другой примѣръ. Въ Парижѣ одинъ человѣкъ бродилъ передъ мясною лавкой. Онъ схватилъ кусокъ мяса и бросился бѣжать. Его арестовываютъ, его допрашиваютъ, узнаютъ, что это—рабочій безъ работы, что онъ и его семья ничего не ѣли уже въ теченіе четырехъ дней. Окружающіе умоляютъ мясника отпустить на свободу бѣдняка, но мясникъ желаетъ торжества правосудія: онъ возбуждаетъ судебное преслѣдованіе, и несчастнаго бѣдняка приговариваютъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Такъ требуетъ слѣпая богиня правосудія—Ѳемида.—А ваша совѣсть,—развѣ она не возмутится и въ этомъ случаѣ противъ закона, и противъ общественныхъ условій современной жизни? а подобные случаи и подобные приговоры совершаются ежедневно.

Или, быть можетъ, вы найдете возможнымъ требовать примѣненія всей строгости законовъ къ этому человѣку, который съ молодыхъ лѣтъ не слыхалъ хорошаго слова, не получилъ никакого воспитанія и образованія, былъ презираемъ постоянно всѣми и, въ заключеніе, до-

шелъ до того, что за нѣсколько грошей убилъ своего сосѣда? Что же, вы будете требовать, чтобы его послали на гильотину или, что еще хуже,—чтобы его заключили на двадцать лѣтъ въ тюрьму? вѣдь вы отлично знаете, что этотъ человѣкъ скорѣе боленъ, чѣмъ преступенъ, вы знаете отлично, что, во всякомъ случаѣ, отвѣтственнымъ за его преступленіе является само общество.

Или вы будете требовать, чтобы заключили въ тюрьму этихъ несчастныхъ рабочихъ, которые въ моментъ отчаянія подожгли фабрику? Или вы будете требовать каторжныхъ работъ для этого человѣка, который убилъ тирана? Или вы потребуете, чтобы солдаты безжалостно разстрѣливали народъ, добивающійся осуществленія своихъ правъ и воздвигающій своимъ девизомъ знамя будущаго?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Если вы будете разсуждать, а не безсмысленно повторять то, чему васъ учили; если вы будете анализировать законъ и освобождать его отъ всѣхъ облаковъ тумана, которыми окружено всякое законодательство, являющееся ни чѣмъ инымъ, какъ проведенной въ жизнь волею болѣе сильнаго меньшинства; если вы будете изучать содержаніе законовъ, то вы увидите, что постоянно законъ подавляетъ самыя справедливыя желанія человѣка, за осуществленіе которыхъ человѣчество проливаетъ свою кровь,—тогда вы научитесь презирать эти принижающіе человѣчество законы. Вы поймете, что нельзя оставаться служителемъ такого закона, что это равносильно постоянной борьбѣ между закономъ и совѣстью, равносильно постоянной торговлѣ совѣстью; такого рода борьба не можетъ долго продолжаться: вы будете принуждены порвать связь съ установленными традиціями и придете работать вмѣстѣ съ нами надъ уничтоженіемъ всякаго рода несправедливостей,—экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ.

Такимъ образомъ, вы сдѣлаетесь соціалистомъ, вы сдѣлаетесь борцомъ.

А вы, молодой инженеръ, вы мечтаете улучшить бытъ рабочихъ при помощи примѣненія науки къ индустріи.

Сколько горькихъ разочарованій, сколько непріятностей васъ ожидаетъ! Вы посвящаете вашу молодую энергію на разработку проекта какой-нибудь желѣзной дороги, которая, извиваясь, какъ змѣя, по краямъ пропастей и прорѣзывая горы гранита, должна соединить два края, раздѣленные самой природой. Однако, разъ вы приступаете къ выполненію вашего проекта, вы видите, какъ въ темномъ тоннелѣ значительная часть рабочихъ умираетъ отъ лишеній и болѣзней; вы видите и другихъ рабочихъ, какъ они возвращаются домой съ жалкимъ заработкомъ въ карманѣ, но за то больные изнурительной лихорадкой, которую они заполучили на своей каторжной работѣ; вы увидите цѣлые ряды человѣческихъ труповъ,—результатъ предпринимательской жадности,—труповъ, отмѣчающихъ каждую сажень построеннаго вами пути; а затѣмъ, когда желѣзная дорога будетъ достроена, вы будете имѣть удовольствіе видѣть, какъ по ней повезутъ пушки для различнаго рода побѣдоносныхъ завоеваній и усмиреній...

Вы посвятили вашу молодость разработкѣ какого-нибудь изобрѣтенія, которое должно упростить то или другое производство; послѣ многихъ усилій, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей, вы являетесь, наконецъ, обладателемъ весьма важнаго и остроумнаго изобрѣтенія. Вы довольны; вы примѣняете ваше изобрѣтеніе къ производству; результаты превосходятъ всякія ожиданія. Десять тысячъ, двадцать тысячъ рабочихъ оказываются выброшенными на улицу; а тѣ рабочіе, которые остаются работать,—въ большинствѣ случаевъ это бываютъ дѣти,—эти рабочіе остаются занятыми исключительно механической работой, они обращаются въ настоящія машины. Какой же получается результатъ вашего изобрѣтенія? Трое, четверо, десятокъ предпринимателей составляютъ себѣ крупные капиталы и пьютъ шампанское изъ полныхъ бокаловъ... Развѣ вы объ этомъ мечтали, развѣ въ этомъ состояли ваши представленія объ общественномъ благѣ, г. инженеръ?

Если вы будете изучать новѣйшіе успѣхи техники, то вы увидите, что несчастная портниха рѣшительно ниче-

го не выиграла отъ изобрѣтенія швейной машины; что рабочій, работающій надъ проведеніемъ какого-нибудь Готардскаго тоннеля, попрежнему умираетъ, несмотря на изобрѣтенія самыхъ лучшихъ сверлильныхъ машинъ; что попрежнему каменщикъ и поденщикъ слоняются безъ работы наряду съ замѣчательными подъемными машинами Жиффара. Однимъ словомъ, если вы будете разсматривать соціальныя задачи съ тою же независимостью и пытливостью ума, съ которыми вы приступаете къ разрѣшенію вашихъ техническихъ вопросовъ, тогда вы необходимо придете къ заключенію, что,—подъ вліяніемъ господства принципа частной собственности и заработной платы,—всякое новѣйшее техническое открытіе, даже въ томъ случаѣ, если оно до нѣкоторой степени улучшаетъ благосостояніе рабочаго, все-таки, въ конечномъ итогѣ, ведетъ только къ тому, что дѣлаетъ его рабство еще болѣе тяжелымъ, его работу еще болѣе одурѣвающей, безработицу еще болѣе частой, а рабочіе кризисы болѣе острыми, и что только тѣ, кто и безъ того пользовался всевозможными преимуществами, только тѣ являются единственными лицами, обращающими изобрѣтеніе исключительно въ свою пользу.

Что же вы будете дѣлать, разъ вы придете къ этимъ выводамъ?—Или вы начнете заглушать свою совѣсть различнаго рода софизмами, а затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, отправите въ безсрочный отпускъ всѣ ваши благородныя, юношескія мечты и постараетесь, въ свою очередь захватить въ свою пользу все то, что приноситъ «радости жизни». Тогда вы попадете въ лагерь эксплуататоровъ. Или въ другомъ, лучшемъ, случаѣ, если въ васъ не потухла искорка правды, вы скажете:—«нѣтъ, теперь не время, для работы надъ новыми техническими открытіями и усовершенствованіями! Поработаемъ сначала надъ передѣлкою системы производства: когда будетъ уничтожено господство частной собственности, тогда всякій прогрессъ техники будетъ служить на общее благо; и это громадное количество работниковъ, обращенное въ настоящее время въ почти безсмысленныя машины, снова сдѣлается тогда су-

ществами мыслящими, могущими прилагать къ техникѣ какъ свои знанія, основанныя на образованіи, такъ и опытность, основанную на личномъ трудѣ; тогда прогрессъ техники сдѣлаетъ замѣчательныя пріобрѣтенія; тогда черезъ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ мы увидимъ то, о чемъ мы не смѣемъ и мечтать въ настоящее время.

А что мы скажемъ школьному учителю,—не тому, который смотритъ на свою профессію, какъ на скучное ремесло, но тому, который, окруженный радостной толпой подростковъ, чувствуетъ себя лучше всего въ ихъ оживленной средѣ, среди радостныхъ улыбокъ дѣтей, въ головахъ которыхъ онъ старается пробудить тѣ самыя гуманныя мысли, которыя и онъ лелѣялъ во дни своей молодости? Часто мы видимъ его печальнымъ; и я знаю, что заставляетъ его хмуриться такъ часто. Сегодня вашъ ученикъ, учитель, наиболѣе любимый ученикъ, который, правда, не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ латинскомъ языкѣ, но зато подаетъ большія надежды въ другихъ отношеніяхъ, вашъ ученикъ съ большимъ энтузіазмомъ разсказывалъ преданіе о Вильгельмѣ Теллѣ. Его глаза блестѣли, казалось, онъ готовъ уничтожить всякаго тирана; съ огнемъ произносилъ онъ безсмертные стихи Шиллера:

«Не бойся раба, разбивающаго свои оковы:
«Человѣка свободнаго нечего бояться»

А пришелъ ученикъ домой, и его мать, его отецъ, его дядя начинаютъ упрекать за недостатокъ почтительности по отношенію къ священнику, или къ какой-нибудь власти; милые родственники цѣлыми часами такъ успѣшно напѣваютъ мальчугану объ осторожности, объ уваженіи къ авторитетамъ и властямъ, о подчиненіи и послушаніи, такъ успѣшно, что онъ быстро бросаетъ Шиллера и начинаетъ читать какую-нибудь поучительную книгу, вродѣ,— «Искусство по одежкѣ протягивать ножки», или «Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ».

А далѣе, еще вчера, учителю говорили, что лучшіе

его ученики совершенно испортились: одинъ только мечтаетъ объ эполетахъ, другой же, въ сообществѣ съ своимъ патрономъ, крадетъ у рабочихъ ихъ жалкое жалованье. Вы, учитель, вы всѣ, кто возлагалъ столько надеждъ на этихъ молодыхъ людей, подумайте теперь, какія печальныя противорѣчія существуютъ между жизнью и вашими идеалами!

Вы еще размышляете надъ этимъ вопросомъ, но я уже предвижу, что черезъ какіе-нибудь два года, испытавъ одно вслѣдъ за другимъ множество различныхъ разочарованій, вы отложите въ сторону вашихъ любимыхъ авторовъ и кончите тѣмъ, что будете говорить, что Вильгельмъ Телль былъ, конечно, очень благородный отецъ, но въ сущности онъ былъ слегка не въ своемъ умѣ; вы будете говорить, что поэзія прекрасная вещь передъ огнемъ камина, особенно послѣ того, какъ вы цѣлый день посвятили обученію малышей правилу сложныхъ процентовъ; однако, всѣ гг. поэты постоянно рѣютъ среди облаковъ, и ихъ стихи не имѣютъ ничего общаго ни съ условіями жизни, ни съ ближайшимъ посѣщеніемъ господина инспектора...

Но можетъ случиться и такъ, что ваши юношескія мечты перейдутъ въ глубокое убѣжденіе зрѣлаго возраста. Вы будете требовать широкаго гуманитарнаго образованія для всѣхъ, какъ въ школѣ, такъ и внѣ школы; однако, вы быстро убѣдитесь, что такое образованіе совершенно невозможно при настоящихъ условіяхъ жизни, что оно въ корнѣ противорѣчитъ основнымъ устоямъ буржуазнаго общества. Тогда, уволенный министерствомъ въ отставку, вы покинете школу и придете къ намъ, вмѣстѣ съ нами вы будете сообщать людямъ взрослымъ, но менѣе образованнымъ, чѣмъ вы, все то, что знаніе заключаетъ въ себѣ привлекательнаго, все то, чѣмъ человѣчество должно быть, и чѣмъ оно можетъ быть. Вы придете работать вмѣстѣ съ соціалистами надъ полнымъ преобразованіемъ современнаго общества, въ смыслѣ распространенія равноправія, солидарности и свободы.

Наконецъ вы, молодой артистъ, скульпторъ, художникъ, поэтъ, музыкантъ, развѣ не замѣчаете вы, что у

Академия

васъ не достаетъ того священнаго огня, который вдохновлялъ вашихъ предшественниковъ? Развѣ вы не замѣчаете, что искусство сдѣлалось банальнымъ, что въ немъ царствуетъ пошлая посредственность?

А развѣ и можетъ быть иначе? Для современнаго искусства нѣтъ той радости, которую испытывалъ художникъ временъ Возрожденія, когда онъ вновь обрѣталъ древній міръ, когда онъ вновь приближался къ живительнымъ источникамъ природы; революціонныя идеи до сихъ поръ не затрагивали искусства, а за отсутствіемъ настоящихъ идей, художники думаютъ, что они нашли ихъ въ такъ называемомъ реализмѣ; этотъ реализмъ они видятъ или въ томъ, что занимаются фотографированіемъ въ краскахъ капли росы на зеленомъ листѣ какого-нибудь растенія, или въ томъ, чтобы изобразить мускулы какой-нибудь коровы или быка, или въ томъ, чтобы тщательно вырисовывать въ прозѣ и въ стихахъ одуряющую грязь какой-нибудь помойной ямы или будуара «изящной» женщины.

Но если дѣло обстоитъ такъ, то что же дѣлать?—скажете вы.

Если священный путеводный огонь жизни для васъ только жалкій, чадящій ночникъ, тогда вы можете продолжать дѣлать то, что вы дѣлали до сихъ поръ, а ваше искусство весьма быстро выродится въ ремесло декоратора для салона какого-нибудь лавочника, въ составительство либретто для оперетокъ и въ фельетоны для какого-нибудь уличнаго листка. Большинство изъ васъ весьма быстро идетъ къ этому печальному концу...

Но если ваше сердце бьется дѣйствительно въ унисонъ съ сердцемъ всего человѣчества, если вы, какъ настоящій поэтъ, умѣете подслушивать жизнь, тогда, при видѣ этого моря страданій, волны котораго вздымаются вокругъ васъ, при видѣ народа, умирающаго съ голода, передъ трупами людей, погибшихъ въ рудникахъ, передъ этими изуродованными тѣлами, кучами лежащихъ у подножія баррикадъ, передъ этими толпами изгнанниковъ, которыхъ погребаютъ снѣга Сибири или песчаные берега тропиче-

скихъ острововъ, видя всю ту напряженную борьбу, которая происходитъ повсюду, ужасныя страданія побѣжденныхъ и оргіи побѣдителей, высокій героизмъ съ одной стороны и подлость съ другой, энтузіазмъ борьбы и самодовлѣющую низость—вы не будете въ состояніи оставаться внѣ этой борьбы; вы станете на сторону приниженныхъ, потому что вы знаете, что все высокое, все одухотворенное, наконецъ, вся жизнь, все это стоитъ на сторонѣ тѣхъ, которые борятся за свѣтъ, за гуманность, за справедливость.

Наконецъ, вы меня останавливаете.

— Однако, говорите вы,—если отвлеченная наука есть предметъ роскоши, а практическая медицина представляетъ только самообманъ; если законъ является несправедливостью, а изобрѣтенія техники являются факторомъ эксплуатаціи; если школа въ ея столкновеніяхъ съ фактической жизнью всегда бываетъ побѣждена; если искусство безъ революціонной одухотворяющей его идеи можетъ только быстрыми шагами идти къ своему паденію, то что же наконецъ остается мнѣ дѣлать?

На это я вамъ отвѣчу: — Слѣдуетъ предпринять громадный трудъ, трудъ въ высшей степени привлекательный трудъ, въ которомъ всѣ поступки и дѣйствія будутъ въ полномъ согласіи съ вашей совѣстью, трудъ, способный увлечь самыя благородныя, самыя сильныя натуры.

Въ чемъ состоитъ этотъ трудъ?—Объ этомъ я вамъ скажу въ слѣдующей главѣ.

III.

Предстоитъ одинъ выборъ. Или постоянно бороться съ своей совѣстью и кончить тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день скажешь себѣ: «Пускай гибнетъ человѣчество, лишь бы я могъ имѣть доступъ ко всѣмъ наслажденіямъ жизни и могъ бы пользоваться ими до тѣхъ поръ, пока народъ будетъ достаточно глупъ и не будетъ мнѣ въ этомъ препятствовать».—Или придется присоединиться къ

соціалистамъ и работать вмѣстѣ съ ними надъ измѣненіемъ общественныхъ условій жизни. Это есть необходимое слѣдствіе того анализа современныхъ условій общественной жизни, который мы сдѣлали выше. Это есть необходимое логическое заключеніе, къ которому придетъ каждый мыслящій человѣкъ, разъ онъ станетъ вполнѣ честно думать о томъ, что происходитъ вокругъ него; конечно, это въ томъ случаѣ, если онъ умѣетъ разобраться въ тѣхъ софизмахъ и хитросплетеніяхъ изъ которыхъ складывается какъ все предыдущее буржуазное воспитаніе, такъ и заинтересованное общественное мнѣніе окружающихъ его лицъ.

Разъ нами сдѣланъ этотъ главный выводъ, вопросъ «что дѣлать?» естественно требуетъ немедленнаго разрѣшенія.

Отвѣтъ весьма легокъ.

Покиньте среду, въ которой вы находитесь и въ которой принято говорить и думать, что народъ представляетъ изъ себя простое стадо, выходите къ этому народу, и отвѣтъ на вопросъ получится самъ собою.

Вы увидите, что, вездѣ, во Франціи, такъ же, какъ и въ Германіи, въ Италіи, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, вездѣ, гдѣ только имѣются привиллегированные и угнетенные, вездѣ въ глубинѣ рабочаго класса происходитъ колоссальная работа; цѣль этой работы состоитъ въ разрушеніи навсегда всѣхъ условій рабства, которыя установлены феодальнымъ строемъ капитализма, и въ основаніи новаго общества на принципахъ справедливости и равенства.

Народная мысль постоянно работаетъ надъ вопросомъ, какъ устроить жизнь такъ, чтобы счастье было для всѣхъ, и жизнь не была проклятіемъ для трехъ четвертей человѣчества. Рабочій народъ приступаетъ къ разрѣшенію наиболѣе сложныхъ вопросовъ соціологіи; онъ пытается разрѣшить ихъ своимъ здравымъ смысломъ, своимъ наблюдательнымъ умомъ, своимъ тяжелымъ опытомъ.

Чтобы достигнуть объединенія всѣхъ обездоленныхъ,

составляются группы, народъ организуется. Открываются различныя общества, пока съ трудомъ еще существующія на микроскопическіе членскіе взносы; народъ стремится распространить дѣятельность своихъ организацій и за предѣлы границъ государства, такимъ образомъ, подготовляется то время, когда войны между народами сдѣлаются немыслимыми; народъ работаетъ надъ этимъ дѣломъ гораздо болѣе продуктивно, чѣмъ различные болтуны филантропы. Для того, чтобы знать, что дѣлаютъ его братья, для того, чтобы ближе съ ними ознакомиться, для выработки новыхъ идей и для ихъ пропаганды, народъ поддерживаетъ свою собственную прессу, несмотря на громадныя лишенія и траты, въ которыя она ему обходится. Наконецъ, бьетъ часъ, и народъ подымается и, обливая своею кровью баррикады, идетъ на завоеваніе себѣ свободы и правъ, которыя все-таки вскорѣ опять успѣютъ захватить въ свою пользу богатые и сильные, вновь обращая ихъ противъ самого народа.

Какой длинный рядъ постоянныхъ усилій, какая безконечная борьба! Работу постоянно приходится начинать почти сызнова; иногда приходится это дѣлать потому, что необходимо заполнять пустыя пространства, образовавшіяся вслѣдствіе утомленія борьбой, вслѣдствіе подкупа или различнаго рода преслѣдованій; часто приходится это дѣлать, чтобы пополнить ряды, разрѣженные ружейными и пушечными залпами; бываетъ и такъ, что массовыя высылки заставляютъ совершенно сначала приниматься за пропаганду и организацію.

Рабочіе листки создаются людьми, которые сумѣли урвать въ свою пользу жалкіе обрывки и крохи знаній, и это при помощи безсонныхъ ночей и отказа себѣ въ необходимой пищѣ; агитація поддерживается на жалкіе гроши, которые отнимаются у самаго необходимаго; очень часто для этой цѣли рабочій лишаетъ себя куска черстваго хлѣба; все это дѣлается при постоянномъ сознаніи того, что какъ самъ рабочій, такъ и его семья, будутъ немедленно выброшены на улицу и подвергнуты самой ужасной

нищетѣ, какъ только хозяинъ замѣтитъ, что его рабочій, его рабъ, занимается соціальными вопросами.

Вотъ что вы увидите, когда придете къ народу.

Въ этой безконечной борьбѣ сколько разъ рабочій, падая подъ страшною тяжестью различнаго рода обстоятельствъ, безнадежно кричалъ: «Гдѣ же тѣ молодые люди, которые получали образованіе на наши средства; гдѣ эти молодые люди, которыхъ мы кормили и одѣвали пока они учились? Гдѣ они, для кого мы строили эти дома, эти академіи, эти музеи, сгибая наши спины подъ непосильными грузами, работая тяжелую работу съ пустыми желудками? Гдѣ тѣ, для которыхъ мы, изнеможденные, съ блѣдными лицами, печатали тѣ прекрасныя книги, которыхъ мы не можемъ даже читать? Гдѣ тѣ профессора, которые говорятъ, что они обладаютъ гуманитарной наукой, для которыхъ между тѣмъ все человѣчество не представляетъ большей важности, чѣмъ какая-нибудь рѣдкой породы гусеница? Гдѣ тѣ люди, которые болтаютъ о свободѣ и никогда не выступаютъ въ защиту нашей свободы, ежедневно грубо попираемой ногами? А писатели, поэты, художники, вся эта толпа лицемѣровъ, всѣ они со слезами на глазахъ болтаютъ о народѣ и народномъ благѣ, а между тѣмъ отчего они никогда не бываютъ вмѣстѣ съ нами и среди насъ, отчего они не помогаютъ намъ въ нашей работѣ?»

Одни изъ нихъ благодушествуютъ въ своемъ подломъ индифферентизмѣ; другіе же, и это громадное большинство, свысока третируютъ подлую чернь и готовы обрушиться на нее, разъ только она осмѣливается посягать на ихъ привиллегіи.

Отъ времени до времени изъ среды буржуазіи выдѣляется какой-нибудь молодой человѣкъ, мечтающій о борьбѣ на пользу народа; однако, обыкновенно онъ быстро сдается и отходитъ въ сторону, когда убѣждается, что путь борьбы и дологъ и тяжелъ, что трудъ быстро изнуряетъ силы и что въ лавровый вѣнокъ, къ которому онъ стремится, попутно вплетается много колючихъ растеній.

По большей части, это бываетъ типичный представитель ненасытнаго честолюбія; разъ онъ замѣчаетъ неудачу своихъ первыхъ попытокъ, онъ стремится привлечь на свою сторону народное голосованіе; однако, весьма быстро онъ направляетъ свои молніеносные громы противъ того самаго народа, который его выбиралъ, если только этотъ народъ начинаетъ пробовать осуществлять на дѣлѣ тѣ самыя права, о которыхъ онъ самъ такъ недавно еще и такъ громко кричалъ. Такого сорта люди нисколько не постѣсняются стрѣлять изъ пушекъ въ подлую чернь, если она вздумаетъ тронуться съ мѣста нѣсколько раньше, чѣмъ подадутъ сигналъ они, эти хитрые руководители политики.

Прибавьте къ этому глупыя ругательства, высокомѣрное презрѣніе жалкую клевету со стороны большинства представителей буржуазіи, и вы будете имѣть перечень всего того, что получаетъ народъ отъ буржуазной молодежи, взамѣнъ полезной помощи въ дѣлѣ соціальнаго развитія.

Неужели, послѣ всего сказаннаго, можно еще спрашивать: «что дѣлать?». Развѣ можно задавать такой вопросъ когда ничего еще не сдѣлано, когда все рѣшительно нужно сдѣлать, когда цѣлыя арміи молодыхъ людей весьма легко найдутъ обширное поле для приложенія своей энергіи, своего ума, своихъ талантовъ къ дѣлу помощи народу въ достиженіи той огромной цѣли, къ которой онъ стремится.

Вы, любители чистой науки, разъ вы прониклись принципомъ соціализма, разъ вы правильно оцѣнили все значеніе быстро надвигающейся революціи, неужели вы не понимаете, что является настоятельная необходимость переработать заново всякое знаніе и всякую науку, что все это необходимо согласовать со вновь выставленными принципами; дѣло идетъ о томъ, что и въ области наукъ должна совершиться огромная революція, которая по своему значенію далеко превзойдетъ то, что мы видѣли въ

восемнадцатомъ вѣкѣ. Неужели вы не понимаете, что совершенно необходимо заново переработать всю исторію, которая въ настоящее время излагается намъ, какъ собраніе басенъ о великихъ короляхъ, императорахъ, о высокихъ особахъ и о парламентахъ; все это нужно передѣлать съ точки зрѣнія народнаго труда, того труда, который былъ затраченъ на историческую эволюцію человѣчества. Точно также совершенно необходимо переработать заново всю политическую экономію, въ настоящее время освѣщающую эксплуатацію народа капиталистами; и ее нужно передѣлать заново не только съ точки зрѣнія установленія совершенно новыхъ основныхъ принциповъ, но также и съ точки зрѣнія безчисленныхъ ея примѣненій къ народной жизни. Точно также антропологія, соціологія, этика, все это должно быть переработано совершенно заново; мало того все сказанное совершенно также относится и до естествознанія: это послѣднее, ставши на новую точку зрѣнія, должно совершенно видоизмѣниться, какъ въ методахъ міровоззрѣнія и наблюденія, такъ и въ методахъ изложенія. Вотъ та работа, которая представляется вамъ принесите же свое знаніе и силы на служеніе новой наукѣ. Сосредоточьте всю строгость вашего логическаго мышленія на борьбѣ съ разнообразными вѣковыми предразсудками, на синтетической выработкѣ новыхъ основаній для новой лучшей организаціи; главнымъ образомъ научите насъ, какъ наши доводы и мысли можно подкрѣпить при помощи дѣйствительно научнаго и смѣлаго мышленія; покажите намъ своимъ примѣромъ, какъ можно жертвовать жизнью за торжество правды.

А вы, врачъ, изъ повседневнаго опыта научившійся понимать, что такое соціализмъ, не переставайте неустанно твердить, всѣмъ и сегодня, и завтра, и каждый день, и при каждомъ случаѣ, что человѣчество неуклонно придетъ къ вырожденію, если оно будетъ продолжать оставаться въ современныхъ условіяхъ труда и существованія; громко говорите, что ваши лѣкарства совершенно безсильны противъ болѣзней до тѣхъ поръ, пока девяносто девять со-

тыхъ человѣческой массы прозябаетъ въ условіяхъ абсолютно противоположныхъ тому, чего требуетъ наука; вы должны постоянно говорить, что необходимо уничтожать причины заболѣванія и распространенія болѣзней; вы должны проповѣдывать о томъ, какъ можно и какъ слѣдуетъ бороться съ этими причинами, чтобы ихъ уничтожить. Вашимъ скальпелемъ расчлените опытной рукою современное общество, находящееся въ состояніи разложенія; какъ истинный врачъ, разскажите намъ, какова должна быть раціональная жизнь человѣчества и какою она можетъ быть; не уставайте повторять намъ, что нельзя останавливаться передъ оперативнымъ удаленіемъ зараженной части тѣла, разъ она грозитъ заразить и погубить весь организмъ.

А вы, работавшіе надъ приложеніемъ выводовъ науки къ техникѣ, пойдите къ намъ и разскажите о результатахъ вашихъ изслѣдованій и открытій; покажите тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ еще смѣло заглядывать въ предѣлы будущаго, покажите имъ, что новаго можно извлечь изъ научныхъ открытій, какихъ успѣховъ и развитія можетъ достигнуть въ будущемъ индустрія и промышленность; разскажите о томъ, какъ много могъ бы производить человѣкъ, если бы онъ работалъ постоянно только для увеличенія своей продуктивности. Придите къ народу и отдайте въ его распоряженіе все ваше образованіе, весь вашъ практическій умъ, всѣ ваши организаціонные таланты; отдавайте все это народу, вмѣсто того, чтобы предоставлять ихъ въ распоряженіе эксплуататоровъ.

А вы, поэты, художники, скульпторы, музыканты, если вы поняли ваше настоящее призваніе и интересы самого искусства, служите идеѣ обновленія общества вашимъ перомъ, вашей кистью, вашимъ рѣзцомъ. Повѣдайте намъ въ вашихъ строфахъ, или въ вашихъ захватывающихъ картинахъ, о титанической борьбѣ народовъ противъ своихъ поработителей; зажгите молодыя сердца тѣмъ революціоннымъ духомъ, которымъ полны были наши предки; разскажите женщинѣ о томъ, какъ прекрасна дѣятельность ея

мужа, брата и сына, когда онъ отдаетъ свою жизнь за великое дѣло общественнаго обновленія. Покажите народу всѣ язвы современныхъ условій жизни, дайте намъ коснуться пальцемъ этихъ язвъ; покажите намъ, чѣмъ могла бы быть разумная жизнь, если бы она не наталкивалась постоянно на нелѣпости и мерзости современнаго общественнаго строя.

Наконецъ, всѣ тѣ, кто обладаетъ знаніями, талантами, кто не потерялъ способности понимать и чувствовать чужое горе, приходите всѣ вмѣстѣ съ вашими товарищами и работайте на пользу тѣхъ, кто такъ нуждается въ вашей работѣ; знайте, что если вы придете не въ качествѣ господъ или учителей,—а въ качествѣ товарищей по борьбѣ, если вы придете не для того, чтобы управлять, а для того, чтобы искать вдохновенія среди новой обстановки, если вы придете не для того, чтобы учить, а скорѣе для того, чтобы усваивать потребности и стремленія народной массы, отгадывать ихъ, ясно и точно формулировать ихъ, а затѣмъ для того, чтобы работать безъ отдыха, безъ устали со всѣмъ пыломъ юности надъ тѣмъ, чтобы все это проводить въ жизнь, - знайте, что тогда и только тогда вы начнете жить полной жизнью, жизнью вполнѣ разумной. Вы увидите, что каждое изъ сдѣланныхъ вами усилій принесетъ весьма быстрые и хорошіе плоды;—тогда только сознаніе полнаго согласія между вашею дѣятельностью, поступками и совѣстью придастъ вамъ такія силы, какихъ вы прежде и не подозрѣвали въ себѣ.

Борьба за истину, за справедливость, за равенство среди народа и вмѣстѣ съ народомъ—что можетъ быть лучше и прекраснѣе этого въ человѣческой жизни.

IV.

Мнѣ потребовалось цѣлыхъ три главы, чтобы показать молодымъ людямъ достаточнаго класса, что жизнь властно потребуетъ отъ нихъ, если они смѣлы и искренни, чтобы они примкнули къ соціалистамъ и вмѣстѣ съ ними стали бы работать надъ общественнымъ обновленіемъ.

Хотя эта истина чрезвычайно проста и ясна, однако, тѣмъ не менѣе, требуется затратить много времени и труда, когда обращаешься къ буржуазной публикѣ съ цѣлью ее убѣдить; приходится опровергнуть массу софизмовъ, оспаривать множество предразсудковъ, устранять много возраженій со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Мнѣ гораздо легче говорить съ вами, молодые люди изъ народа; съ вами моя рѣчь будетъ короче. Сама сила вещей заставляетъ васъ сдѣлаться соціалистами, разъ только вы желаете логически мыслить и быть послѣдовательными въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, современный соціализмъ вышелъ изъ нѣдръ самого народа. Правда, нѣкоторые мыслители, происходящіе изъ буржуазной среды, придали соціализму научную санкцію и дали ему философское обоснованіе, однако, сама постановка новыхъ идей является исключительнымъ продуктомъ коллективной умственной дѣятельности рабочаго народа. Развѣ раціональный соціализмъ интернаціонала, представляющій нашу главную силу въ настоящее время, развѣ онъ не былъ выработанъ въ рабочихъ организаціяхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ рабочихъ массъ? А тѣ немногіе писатели, которые своими силами содѣйствовали этой разработкѣ, они въ дѣйствительности ограничились только тѣмъ, что надлежащимъ образомъ формулировали уже вполнѣ назрѣвшія мысли рабочихъ.

Выйти изъ народной рабочей среды и не отдаться труду на пользу рабочей массы, это равносильно презрѣнію своихъ собственныхъ интересовъ, отказу отъ своего собственнаго дѣла и отъ своей исторической миссіи.

Помните-ли вы то время, когда, еще будучи мальчикомъ, зимою, вы сбѣгали внизъ поиграть съ товарищами въ темный переулокъ, въ которомъ вы жили? Морозъ щипалъ ваши плечи сквозь тонкія лохмотья и грязь наполняла ваши разорванные сапоги. Уже тогда, когда вы видѣли мимо проходящихъ выхоленныхъ и богато одѣтыхъ дѣтей, презрительно смотрѣвшихъ на васъ свысока, уже тогда вы

отлично понимали, что эти мартышки, такъ тщательно разодѣтые, въ сущности, стоятъ гораздо ниже васъ и вашихъ товарищей и по уму, и по здравому смыслу, и по энергіи. Однако, вы должны были весьма рано пойти на фабрику, гдѣ вамъ приходилось съ пяти или шести часовъ утра стоять цѣлыхъ двѣнадцать часовъ около какой-нибудь неистово шумящей машины; вы сами обращались въ настоящую машину, вы должны были изо дня въ день въ продолженіи многихъ лѣтъ слѣдить за движеніями машины, совершающимися съ неумолимою періодичностью; а въ это время барчуки спокойно посѣщали различныя, гимназіи, лицеи, всякаго рода прекрасныя школы наконецъ, и университеты. Въ настоящее время эти дѣти, вначалѣ менѣе интеллигентныя, но болѣе обученныя, чѣмъ вы, дѣлаются вашимъ начальствомъ; они наслаждаются всѣми утѣхами жизни, всѣми благодѣяніями цивилизаціи —а вы? что васъ ожидаетъ?

Вы жили въ маленькой, темной и сырой комнатѣ, въ которой пять или шесть человѣкъ тѣснятся на пространствѣ немногихъ квадратныхъ аршинъ; въ этой трущобѣ, усталая отъ жизненной борьбы, ваша мать, постарѣвшая больше отъ обременяющихъ ее заботъ чѣмъ отъ возраста, давала вамъ вмѣсто всякой пищи кусокъ хлѣба, картошку и какой-то черноватый напитокъ, который только въ шутку можно назвать кофе; вмѣсто всякихъ развлеченій и удовольствій, предъ вами постоянно ежедневно вставалъ грозный вопросъ, какъ заплатить завтра булочнику, а послѣзавтра хозяину. Что же, неужели вы должны постоянно влачить такое же жалкое существованіе, какъ тянули тридцать, сорокъ лѣтъ ваши отецъ и мать? Неужели вы будете работать всю свою жизнь для того, чтобы доставлять возможность незначительному меньшинству наслаждаться всѣми благами жизни, знанія, искусства, для себя же вы оставите только одну вѣчную заботу о насущномъ кускѣ хлѣба? Неужели навсегда нужно отказаться отъ всего того, что дѣлаетъ жизнь такой прекрасной только для того, чтобы предоставить всѣ преимущества кучкѣ бездѣль-

никовъ? Постоянно работать и знать только одинъ недостатокъ въ средствахъ, переходящій въ ужасающую нищету въ періоды безработицы! Неужели въ этомъ заключаются ваши требованія отъ жизни?

Можетъ быть вы считаете необходимымъ покориться своей судьбѣ. Не видя выхода изъ тяжелаго положенія, быть можетъ, вы говорите себѣ: «Цѣлыя поколѣнія подчинялись той же самой горькой судьбѣ своей; я одинъ своими силами ничего не могу измѣнить въ общемъ положеніи вещей и долженъ покориться. А потому будемъ попрежнему работать, будемъ жить попрежнему, какъ живется».

Допустимъ это. Однако, жизнь не замедлитъ васъ просвѣтить въ самомъ близкомъ будущемъ.

Въ одинъ прекрасный день наступитъ одинъ изъ тѣхъ промышленныхъ кризисовъ, которые въ настоящее время являются не мимолетными явленіями, какъ это было въ прежнія времена, а, наоборотъ, бурнымъ своимъ теченіемъ убиваютъ цѣлыя отрасли промышленности, обездоливаютъ и выбрасываютъ на улицы цѣлыя тысячи рабочихъ, предоставляя ихъ всѣмъ лишеніямъ самой горькой нищеты, болѣзнью и смертью разрушая семейную жизнь. Вы будете бороться вмѣстѣ съ другими противъ этого несчастья; однако, вы скоро начнете замѣчать, какъ ваша жена, вашъ ребенокъ, вашъ другъ начинаютъ подвергаться все большимъ и большимъ лишеніямъ, какъ они слабѣютъ со дня на день, и какъ, за недостаткомъ пищи, за недостаткомъ ухода они по очереди заболѣваютъ; а въ это время жизнь, беззаботная о тѣхъ, которые гибнутъ, катитъ свои радостныя волны по улицамъ громаднаго города, ярко освѣщеннаго солнцемъ. Тогда вы, наконецъ, поймете все, что въ этомъ обществѣ заключается возмущающаго, вы начнете раздумывать о причинѣ кризиса и проникнете нашимъ взоромъ въ ту глубину несправедливостей, которая бросаетъ тысячи человѣческихъ существъ на произволъ жадности кучки бездѣльниковъ; тогда вы поймете, что соціалисты правы, когда они говорятъ, что современное общество должно быть передѣлано снизу до верху.

Быть можетъ вамъ придется столкнуться съ слѣдующимъ фактомъ. Вашему хозяину можетъ придти въ голову понизить вашу заработную плату для того, чтобы соотвѣтственно округлить свой собственный капиталецъ. Вы протестуете; на вашъ протестъ вы получаете дерзкій отвѣтъ: «Если вамъ эта плата не подходитъ, то можете убираться на подножный кормъ». Тогда вы поймете, что вашъ хозяинъ не только желаетъ васъ стричь, какъ барановъ, но и считаетъ васъ за существа какой-то болѣе низко стоящей расы, чѣмъ онъ самъ; онъ не довольствуется тѣмъ, что держитъ васъ въ своихъ когтяхъ при помощи заработной платы, онъ желаетъ сдѣлать васъ своимъ рабомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда вы или покорно согнете свою спину, откажетесь отъ сознанія своего человѣческаго достоинства и кончите тѣмъ, что будете подчиняться всякаго рода униженіямъ; или кровь вамъ хлынетъ въ лицо и вы ужаснетесь той наклонной плоскости, по которой вы скользите; тогда вы возмутитесь и, выброшенный на улицу, вы поймете, что соціалисты правы, когда говорятъ: «возстань, подымись противъ экономическаго рабства, потому что оно является главной причиной всякаго рода рабства!» Тогда вы вступите въ ряды соціалистовъ и будете вмѣстѣ съ ними работать надъ уничтоженіемъ всѣхъ видовъ рабства: рабства экономическаго, политическаго и соціальнаго.

Вамъ придется также узнать исторію молодой дѣвушки, открытое лицо, благородная походка и оживленная рѣчь которой когда-то вамъ такъ нравились. Послѣ многолѣтней борьбы съ нищетой она покинула свою деревню и перебралась въ большой городъ. Она знала, что борьба за существованіе тамъ будетъ жестока, однако, она надѣялась честно зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Вы знаете теперь, какая судьба постигла ее. Обольщенная сыномъ буржуазіи, она дала увлечь себя красивыми рѣчами, она отдалась ему съ пыломъ юности и увидѣла себя по прошествіи года брошенной на произволъ судьбы съ ребенкомъ на рукахъ. Не теряя духа, она не переставала бороться; однако,

она уступила въ этой неравной борьбѣ съ голодомъ и холодомъ и кончила тѣмъ, что умерла богъ знаетъ въ какой больницѣ.... Что вы скажете на это? Или вы постараетесь заглушить свои воспоминанія словами: «не она первая, не она и послѣдняя»; или, быть можетъ, какъ-нибудь вечеромъ въ какомъ-нибудь кафе въ компаніи съ другими личностями, утерявшими свой человѣческій образъ, вы позволите себѣ оскорбить память бѣдной женщины какими-нибудь сальными намеками? Или быть можетъ это воспоминаніе тронетъ ваше сердце; вы разыщете подлаго обольстителя и бросите ему въ лицо всю мерзость его поступка? Когда вы вдумаетесь въ причины подобнаго рода фактовъ, которые повторяются ежедневно, вы поймете, что эти факты не перестанутъ случаться до тѣхъ поръ, пока общество будетъ раздѣлено на два лагеря: на несчастныхъ, приниженныхъ съ одной стороны, съ другой—на праздныхъ, любящихъ красивыя рѣчи, обладающихъ скотскими инстинктами. Вы поймете, что пора уничтожить, засыпать эту глубокую пропасть и вы вступите въ ряды соціалистовъ.

А вы, женщины изъ народа, неужели эта исторія оставитъ васъ совершенно равнодушными? Когда вы ласкаете бѣлокурую головку ребенка, играющаго возлѣ васъ, развѣ вы никогда не думаете о той судьбѣ, которая его ждетъ, если не измѣнится современный общественный строй? Развѣ вы не будете задумываться надъ судьбой, которая грозитъ вашей молодой сестрѣ? Неужели вы желаете, чтобы ваши сыновья прозябали такъ же, какъ прозябалъ вашъ отецъ, единственная забота котораго состояла въ добываніи хлѣба насущнаго, единственная радость котораго была въ близъ лежащемъ кабачкѣ? Неужели вы желаете, чтобы вашъ мужъ, вашъ сынъ постоянно были въ полномъ распоряженіи перваго встрѣчнаго, которому удалось получить въ наслѣдство капиталъ, при помощи котораго онъ можетъ эксплуатировать другихъ людей? Неужели вы хотите, чтобы они постоянно оставались рабами своего хозяина, пу-

щечнымъ мясомъ для сильныхъ міра сего, навозомъ, который служитъ для удобренія полей богатыхъ людей?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я знаю отлично, что ваша кровь кипѣла отъ негодованія, когда вы узнали, что ваши мужья не выдержали и сдались; когда они послѣ бурно начатой стачки, закончили тѣмъ, что стояли покорные, безъ шапокъ и принимали условія, продиктованныя высокомѣрнымъ тономъ какимъ-то толстымъ буржуемъ. Я знаю, что вы восхищались геройствомъ испанскихъ женщинъ, которыя во время народнаго возстанія въ первыхъ рядахъ подставляли свою грудь подъ удары солдатскихъ штыковъ; я знаю, что вы съ уваженіемъ повторяете имя женщины, всадившей пулю въ грудь сатрапа, когда онъ позволилъ себѣ издѣвательства надъ ея товарищемъ, сидящимъ въ тюрьмѣ. Я знаю, какъ билось ваше сердце, когда вы читали, какъ простыя женщины въ Парижѣ подъ градомъ рвущихся снарядовъ сбѣгались для того, чтобы возбуждать своихъ мужей и своихъ дѣтей къ геройскимъ подвигамъ.

Я отлично знаю все это, а потому нисколько не сомнѣваюсь, что вы кончите также тѣмъ, что присоединитесь къ людямъ, работающимъ надъ завоеваніемъ лучшаго будущаго.

Вы всѣ, молодые люди, мужчины и женщины, крестьяне, рабочіе, служащіе вы, солдаты, вы понимаете ваши права и всѣ пойдете вмѣстѣ съ нами, вы будете работать вмѣстѣ съ вашими братьями надъ подготовленіемъ того могучаго движенія, которое уничтожитъ всякое рабство, разломаетъ всякія цѣпи, порветъ со всѣми старыми предразсудками и откроетъ всему человѣчеству въ его цѣломъ совершенно новые горизонты; это движеніе установитъ среди человѣческихъ обществъ дѣйствительное равноправіе, истинную свободу, настоящій трудъ для всѣхъ; оно дастъ всѣмъ полное пользованіе результатами общей работы, дастъ каждому возможность развивать всѣ свои способности; оно приведетъ насъ къ разумной, гуманной и счастливой жизни.

Пусть не говорятъ намъ, что мы представляемъ только небольшую кучку единомышленниковъ, слишкомъ слабую для того, чтобы мы могли съ успѣхомъ разсчитывать на достиженіе поставленной нами себѣ цѣли.

Давайте сосчитаемьте, сколько насъ всѣхъ, страдающихъ отъ всякаго рода несправедливостей. Крестьянъ, работающихъ на другихъ и питающихся мякиной, вмѣсто пшеницы, попадающей въ руки ихъ хозяевъ, мы можемъ насчитать милліоны, ихъ такъ много, что они одни составляютъ всю массу народа. Рабочіе, которые ткутъ шелка и бархаты, а сами одѣваются въ лохмотья, точно также представляютъ весьма значительную массу; посмотрите: только что проревѣлъ фабричный гудокъ, и рабочіе заливаютъ всѣ улицы и площади города, какъ бурныя волны возмущеннаго моря. А люди, надъ которыми издѣвается начальство, которые идутъ навстрѣчу пуль и картечи для того, чтобы это начальство могло украшать себя различными крестиками и ленточками, бѣдные простаки, которые до сихъ поръ только и умѣли разстрѣливать своихъ братьевъ,—имъ будетъ достаточно только слегка перемѣнить фронтъ, чтобы заставить поблѣднѣть многихъ украшенныхъ лицъ, которые ими теперь командуютъ. Мы тѣ, которые страдаютъ, и тѣ, которые находятся подъ постоянной угрозой, мы представляемъ изъ себя необъятную толпу, мы представляемъ тотъ океанъ, который можетъ все поглотить. Стоитъ намъ только сознать свою волю, достаточно будетъ одного момента, чтобы наступило правосудіе.

